

ный интерес представляют уже рассмотренные нами житийные сборники, связанные с Нилом Сорским. Независимо от того, насколько точно или «критично» передавал Нил свои источники, самая попытка систематизации русских текстов житий греческих «подвижников» была важным фактом в истории церковной литературы и в какой-то степени предвосхищала создание иосифлянских Великих Мчней Четий.

Однако, если основная цель преобразований, предлагаемых Иосифом и Нилом, представляется нам сходной, то из этого вовсе не следует, что и сами преобразования, предложенные ими, могут считаться идентичными. Сопоставление сочинений обоих церковных реформаторов говорит не только о сходстве, но и о существенной разнице между конкретной программой Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

С наибольшей ясностью различие между обоими авторами обнаруживается при сравнении «Устава» Иосифа Волоцкого с «Уставом» Нила Сорского. Композиционное построение обоих «Уставов» совпадает: оба они состоят из 11 «слов». Но содержание «слов» резко расходится в обоих памятниках: если «слова» Иосифа посвящены практическим вопросам монастырского быта — «о соборной молитве», «о пище и питии», «о еже не беседовати на трапезе», «о одеждах и обушах» и т. д.,¹³² то Нила интересуют совсем иные вопросы, связанные с внутренним душевным состоянием монаха: «о различии еже на нас мысленные брани», «о борении нашем еже к сим», о «мысленном подвиге», о «начальнейших помыслах» и т. д.¹³³ Для изложения вопросов монастырского быта Нилу было вполне достаточно его краткого «Предания»;¹³⁴ свое наиболее значительное и программное сочинение — «Устав» — он посвятил гораздо более важной с его точки зрения теме духовного самосовершенствования инока.

Идея духовного подвижничества, «умного делания» представляется нам наиболее характерной особенностью мировоззрения Нила Сорского. Интерес к этим вопросам не был исключительной особенностью Нила. Идеи внутреннего самосовершенствования встречаются в сочинениях некоторых московских еретиков конца XV в. Еретик Иван Черный специально оговаривал в приписке к «Еллинскому летописцу», что весь церковный «закон едином словом скончается, еже любити бога и ближняго»; он же переписывал (с особыми «тълкованиями») известный памятник византийской аскетической литературы — «Лестницу» Иоанна Симайского.¹³⁵ «Начальник» московских еретиков, Федор Курицын, в своем «Лаодикийском послании» цитировал слова одного из главных представителей аскетически-созерцательного направления в византийской патристике — Исаака Сирина: «Страх божий начало добродетели».¹³⁶ Вопросы «умного делания» привлекали и представителя противоположного лагеря — Иосифа Волоцкого: рукой Иосифа было переписано сочинение второго (наряду с Исааком Сиринским) виднейшего представителя византийской аскетики, Симеона Нового Богослова, включая и его знаменитое рассуждение о «фаворском свете» — «о мысленном откровении действенаго божественнаго света и делания умном и божественем добродетельнаго живота».¹³⁷ Но если в твор-

¹³² Я. С. Лурье. Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого..., стр. 120.

¹³³ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 15 и сл.

¹³⁴ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 5—9.

¹³⁵ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Приложение, стр. 278—280, ср. стр. 184—185.

¹³⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., стр. 173.

¹³⁷ ГИМ, Епарх. 357/536, лл. 311 об.—312. На л. 1 этой рукописи помета: «А се сборник и письмо и собрание старца и отца нашего Иосифа. А вынесл его из мона-